

Акад. А. С. Орлов

ПУШКИН — СОЗДАТЕЛЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Со времени выхода России из замкнутости средневековья, по мере охвата передовых групп русского общества XVIII в. «европейским мышлением», усилилась работа по реорганизации русского языка применительно к новым потребностям эпохи. Первыми аналитиками состава литературного языка и теоретиками новых его норм были Ломоносов и современные ему корифеи литературы Тредьяковский и Сумароков. Анализ этот лишь намечал отдельные элементы языка: славянский и русский, иначе — книжный и речевой, а синтез предлагал модификацию их согласно существовавшим тогда литературным формам. Находясь под преимущественным влиянием торжественных, декоративных жанров западного классицизма, первые наши теоретики переоценивали значение для языка парадной славянской стихии церковных книг. На практике, однако, они все обнаруживали и влияние западно-европейского языкового строя.

В конце XVIII в. в России возобладало влияние французского языка. Его тщательно выработанный строй был у нас признан наиболее подходящим к общей организации литературного языка. Главную этого направления явился Карамзин, использовавший для этой цели французский синтаксис и лексику, переводивший ее и приспособлявший к русскому словообразованию. Реформа Карамзина, основанная на языке французских предреволюционных салонов и на их изящной литературе, отличалась аристократизмом, аристократической отборностью языка и односторонней ограниченностью. Она вызвала протест со стороны консервативных литераторов, видевших в карамзинских новшествах уклонение от славянизма, как исконного элемента русской речи, который, так сказать, по праву мог быть основой формирования русского языка.

Во главе этих консерваторов стоял Шишков, придававший церковно-славянскому языку и религиозное и «патриотическое» значение. Свой протест против карамзинской реформы Шишков доводил до абсурда, но на практике не мог противопоставить литераторам «западникам» ни одного произведения своей манеры, которое оправдало бы его теоретические предложения. Кроме того, свои рассуждения он писал не без влияния языка карамзинистов. Тем временем карамзинская школа не прекращала своих литературных опытов и оправдала себя появлением настоящих поэтов, таких, как Жуковский и Батюшков. Но и эти поэты не вполне преодолели аристократическую ограниченность карамзинской реформы и, сверх того, в их произведениях даны образцы не всех литературных жанров. Явившись по преимуществу «гармонизаторами» языка, Жуковский и Батюшков не использовали его богатства в других отношениях.

Только Пушкин сумел внести в организацию русского литературного языка то соотношение элементов, которое сделало язык поистине национальным выражением сложившейся русской культуры. Пушкин вывел язык из узкоклассовых норм и подчинил русскому национальному началу вошедшие в него элементы западного происхождения. Уже в отроческих произведениях Пушкина сказались и чуткость в различении роли пестрых языкообразующих элементов и смелость в пользовании ими. Его не пугали ни славянизмы, которым он отвел в общей структуре соответствующее место, ни обиходное или крестьянское просторечие, оживлявшее искусственность книжного языка. Так, в одном из самых ранних своих стихотворений («Городок», 1814 г.) Пушкин не постеснялся передать вестн, собранные угодившей его старушкой, в таких выражениях:

Фома свою хозяйку
Не-за́-что наказал,
Антошка балалайку,
Играя, разломал...

Наивысшим выражением работы Пушкина над языком в юношескую пору является поэма «Руслан и Людмила» (1814—1820 гг.). Для современников Пушкина в ней оказалось совершенно неожиданное соединение литературной речи карамзинистов с разговорной речью авторского круга, с речью простонародья и даже со славянизмами. Большинство современных литераторов не помирилось с пестрым и противоречивым составом языка поэмы и встретило ее оживленной критикой, особенно нападая на фамильярные вульгаризмы.

*James Wilson
(1791)*

1791

James Wilson

1791

По мнению «Вестника Европы» 1820 г., «Поэт и в выражениях уподобился Ерусланову рассказчику, например:

«...Шутите вы со мною —
 Всех у да в лю вас бородою!..»
 «Объехал голову кругом
 И стал пред носом молчаливо;
 Щекотит ноздри копием...»
 «Я еду, еду не свищу,
 А как наеду, не спущу».

Подобная критика сопутствовала Пушкину в течение всей его жизни. С начала 20-х годов против него выступали дворянские пуристы карамзинской школы, а позднее представители буржуазного смешанного стиля. Но Пушкин шел неуклонно своей дорогой и, продолжая гармонизировать язык в своих байронических поэмах, в одной из них выступил, как рассказчик из простонародья, что ему дало право использовать простонародные и фольклорные руссизмы. Мы имеем здесь в виду поэму «Братья-разбойники» (1821—1822 гг.), начинающуюся отрицательным сравнением русских песен: «Не стая воронов слеталась». Простонародные бытовые термины и выражения этой поэмы снова вызвали в критике целую бурю.

Замечательно то, что Пушкин не только творил язык в своих произведениях, как поэт, но и обсуждал методы языкотворчества, как ученый аналитик. Эти свои рассуждения он помещал в критико-публицистических статьях, начиная с 20-х годов. Главной темой рассуждений Пушкина была «народность», которую он находил и у корифеев западных литератур, понимая ее как отражение национальной «физиономии» в зеркале поэзии. «Не решу, какой словесности (из западно-европейских) отдать предпочтение, но у нас есть свой язык: смелее! — обычай, история, песни, сказки и проч». Для «своего» нового языка Пушкин собирал все богатство прошлого и настоящего, книжного и разговорного и особенно отстаивал простонародную стихию в ее обыденном и устно-поэтическом употреблении.

Задумав создать русскую романтическую драму, свободную от узких рамок классицизма, Пушкин остановился на исторической теме, для чего избрал трагический эпизод «Смутного времени», т. е. эпохи народных волнений и династических перемен. Задумав «Бориса Годунова», Пушкин добросовестно изучал и романтические схемы западной литературы (Шекспир) и материалы русской средневековой книжности. Руководясь для общего исторического фона карамзинской «Историей государства Российского», Пушкин вчитывался и

Пушкин. Автопортрет

в сырые материалы средневековья, чтобы извлечь оттуда языковые элементы, характерные для времени и подходящие для речевого разнообразия персонажей драмы. Пушкин ввел славянизмы в декламационную речь бояр и в бытовые выступления церковных типов. Но не одним этим достигнута была жизненность речи русского средневековья. Для русских простецов разного чина Пушкин использовал и подслушанное им русское просторечие, подкрепив его исторической пословицей и старинной песней или замечательными им подобиями. Чтобы оценить иллюзию языка пушкинской исторической драмы, достаточно указать на то, что ее приемы легли в основу старорусских драм Островского и Толстого и даже отразились на позднейших стихотворных переводах исторических хроник Шекспира.

Требовательная, не допускавшая отклонений от темы работа над «Борисом Годуновым» шла у Пушкина параллельно с «Евгением Онегиным», романом в стихах, где Пушкину не надо было «рыться в хронологической пыли», где он мог говорить своим собственным языком, непринужденной живой речью, лишь необходимо гармонизованной стиховой формой и поэтическим лиризмом. Здесь Пушкин показал характерность разных диалектов современного общества, от большого света до помещичьего уезда и деревни включительно. Роман писался с 1823 по 1831 г., так что по нему можно было бы проследить движение пушкинского языкового творчества. Этот творческий процесс не отличался включением новых элементов языка, но состоял в подчинении знакомых уже нам элементов национальной стихии и в стремлении к «нагой простоте» речи, без перифраз и традиционных метафор. Уже в «Евгении Онегине» формировалась фразеология пушкинской прозы. Обратим внимание еще на то, что здесь Пушкиным была дана идеальная норма языка русской женщины, в противовес изысканной речи салонной дамы, прославленной Карамзиным. Девичье письмо Татьяны с его простодушной откровенностью и прямоотой поразило современников, и никто из них не поверил автору, что он будто бы перевел его с французского. «Евгений Онегин» — это наилучшая композиция национального языка во всех его социальных диалектах.

С особым вниманием Пушкин изучал простонародную речь в ее поэтическом оформлении. Он перечел печатные сборники песен, собранных в XVIII в. (песенники Чулкова, Новикова, Прача и т. д.) и восходящих частью к средневековой старине (сборник Кириши Данилова), записывал и сам прямо из уст крестьян. Пушкин достиг такой полноты усвоения стиля народной поэзии, что его записи почти не отличимы от собственных подражаний им. Но причиной такой

Пушкин. Автопортрет. (Из рукописи «Евгений Онегин»)

совершенной иллюзии было не только усвоение формы. Пушкин заметил, что поэтический язык фольклора точно соответствует реальным чертам жизни и характерным представлениям простонародья. И это наблюдение позволило Пушкину создать свой фольклор, свои знаменитые сказки (1825—1833 гг.): «Жених», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о золотом петушке», «Начало сказки» (о медведихе).

В песенке о начале весны, когда «Только что на проталинах весенних показались ранние цветочки...», Пушкин не только воспользовался образами устной поэзии (ср. «Ты воспой, воспой, жавороночек, сидючи на весенней проталинке»), но и пополнил их своими образами, достойными фольклора: первая пчелка вылетела поразведать «Скоро-ль у кудрявой березы распустятся клейкие листочки». Эти «клейкие» листочки забыть не мог Достоевский.

Что касается народной гармонизации языка в подражаниях Пушкина, то наиболее замечательна игра неполных рифм песен «О Стеньке Разине», например:

Стал Стенька Разин
Думати думу:
Добро, воевода.
Возьми себе шубу,
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму.

С юных лет Пушкин постоянно говорит о простоте, как высшем качестве литературного языка. Ко второй половине своего творчества Пушкин довел поэтический язык до прозаической свободы, до разговорного строя, примером чего можно привести лексику «Рыцаря бедного»:

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа навязал...

Таким языком Пушкин облакал и другие свои произведения с западноевропейскими сюжетами, только модифицируя свои руссизмы соответственно теме («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и т. д.). Иллюзия чужой национальности до-

стигалась здесь не лексическими и фразеологическими идиомами Запада, а общепоэтическим пушкинским языком, который создавал иллюзию национальности соответствием речевой семантики национальным типам и положениям, быту и эпохе.

Прозаический язык Пушкин считал наивысшим выражением мыслей и уже со второй половины 20-х годов задумал посвятить себя созданию русской прозы. И он создал эту художественную прозу. В ней он еще более демократизировал язык, уточнил его, снабдил его лаконизмом и прозрачной простотой синтаксиса. Эти свойства сказываются не только в новеллах и повестях, но и в письмах Пушкина, в его исторических трудах и критико-публицистических рассуждениях.

Начав свое художественное повествование «Арапом Петра Великого» и «Повестями Белкина», Пушкин возвысился до «Дубровского», «Капитанской дочки» и «Пиковой дамы», достигнув в этих произведениях доньше непревзойденного мастерства. Правда языка соблюдена здесь в совершенстве, и если местами бытовая речь некоторых персонажей отзывается книжностью, то это отражает жизнь — так и было в офранцузенном обществе, к которому принадлежали выведенные лица. Любовь к национальному просторечию особенно сказалась в «Капитанской дочке», где над каждой главой стоят эпиграфы из народных песен.

Если говорят «пушкинский стих», то необходимо и созданную Пушкиным прозу назвать пушкинской. Ее язык — результат применения методов, выработанных Пушкиным в течение всей его жизни поэта, результат всех строгих требований, которым он неустанно подчинял свое творчество.

Основав свой литературный язык на всей широте «европейского мышления» и на всем богатстве диалектов русской речи Пушкин избежал узкоклассового назначения созданного им языка. Назначая свой язык для широчайших слоев русского общества, Пушкин творил его не только для своей эпохи, но и для будущего. Вот почему пушкинский язык доньше сохранил все свое великое значение в нашем социалистическом обществе.

**ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК
СССР**

1 8 3 7 - 1 9 3 7

2-3

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1937**